

Как повелось уже из года в год,
Созвать на праздник верный свой народ.
Вновь иды мартовские наступили.
Феб в эти дни в своей был полной силе, -
На Марса глядя, весело сверкал
И по лазури путь свой направлял
В жилище зной несущего Овна.
Погода сладости была полна,
И в солнечных лучах сверкали птицы;
Из глоток их не уставала литься
Песнь благодарности за свежий луг
И за спасение от тяжких мук
Зимы, в чьей длани острый, хладный меч.
Царь Камбускан, о коем шла уж речь,
В роскошной мантии, в золотой короне,
Средь приближенных восседал на троне
И задавал такой богатый пир,
Какого не видал дотолле мир.
Дня летнего мне б не хватило, верно,
На описание роскоши безмерной
Разнообразных и несчетных блюд.
Считаю я за бесполезный труд
Вам говорить о цаплях, лебедях
И необычных рыбах на столах;
Премногое, что не в чести у нас,
У них считалось лакомством как раз.
Не мог бы, думаю, никто на свете
Подробно описать все блюда эти.
Напрасно утомлять не стану вас -
Тем более что уж не ранний час -
Подробностями лишними и сразу,
Не медля, к своему вернусь рассказу.
Так вот, когда уж третье блюдо съели
И Камбускан игрою менестрелей
Пленительною слух свой услаждал,
Какой-то рыцарь у преддверья в зал
На медном скакуне вдруг появился.
На пальце перстень золотой светился,
В руке держал он зеркало высоко,
И обнаженный меч висел у бока.
К столу подъехал этот рыцарь вдруг,
И воцарилась тишина вокруг.
Все, кто присутствовал, – и стар и млад,
В него вперили изумленный взгляд.
А незнакомый рыцарь на коне,
Весь, кроме головы одной, в броне,
Поклон царю отвесил, а затем
Его супруге и дворянам всем
С таким изяществом и знаньем правил,
Что сам Гавейн²²⁸ его бы не поправил,
Когда б вернуться снова к жизни мог
Сей рыцарских обычаев знаток

---

²²⁸ Гавейн – в «Артуровом цикле» – племянник короля Артура, славшийся образцом галантности и рыцарского вежества.